

Глава 7

“НЕМЕЦКОЕ ЗОЛОТО” ДЛЯ ЛЕНИНА

В 1993 году было возбуждено уголовное дело по расследованию спустя многие десятилетия фактов, связанных с обстоятельствами убийства царской семьи. По меньшей мере, не менее важно, на мой взгляд, расследовать на государственном уровне и такой вопрос — получали ли большевики тайно деньги из Германии как для совершения октябрьского переворота, так и для укрепления Советской власти после него. И если получали, то какие суммы. От исчерпывающего ответа на эти вопросы зависит трактовка всей российской истории Советского периода.

Хотя это и не бесспорное утверждение — но, по-моему, небесполезно обратиться к немецкому происхождению матери вождя. Если, как мне кажется, ни еврейская, ни калмыцкая культура не оказали никакого влияния на воспитание Володи Ульянова (напомним, что дед вождя по материнской линии был крещеным евреем, а бабушка по отцовской — калмычкой), то следует учитывать обстановку пиетета в семье Ульяновых ко всему немецкому, прежде всего к свойственным этой нации организованности, аккуратности.

Не удивительно, что в работах Ленина можно встретить множество утверждений типа “русский рабочий — плохой работник”, “надо русского дикаря учить с азов” или “в России азиатства хватит на триста лет”. Но только недавно впервые обнародована датированная 1918 годом записка вождя представителю Советской России в Швейцарии Я.Берзину

с указанием, чтобы для написания пропагандистских брошюр он привлек “Колнера или Шнейгера из Цюриха”, Нубакера из Женевы, итальянцев из Лугано — платить им “за работу и поездки архи-щедро”, а “русским дуракам раздайте работу: посылать вырезки, а не случайные номера (как делали эти идиоты до сих пор). Назначьте поименно ответственных за это лиц и мы их приструним...” (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д.125).

В одной из записок Г. Зиновьеву Ленин перечислил меры, которые необходимо предпринять для завершения корректуры его работы, резюмировав: “Без этого “советская” сволочь ничего не сделает!” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.12072).

Впрочем, наиболее одиозные письма Ленина с бранью и угрозами в адрес своих подчиненных хранятся в архиве Президента РФ и впервые опубликованы Д. Волкогоновым. Один пример — в феврале 1922 года вождь направил Сталину и Каменеву записку по поводу бюджета партии, в которой указал, что “всегда успеем взять говно в эксперты: сначала попытаем выделить нечто путное”. Ленин потребовал “подтянуть шваль и сволочь, нежелающих представлять отчеты... Приучите этих говняков серьезно отвечать и давать полные точные цифры”. (АПРФ, ф. 3, оп. 30, д.196).

Или записка Ленина от 20 февраля 1922 г.: “Т.Каменев! По-моему, надо не только проповедовать: “Учись у немцев, паршивая российская коммунистич[еская] обломовщина!”, но и **брать в учителя** немцев. Иначе — одни слова. Почему не начать с тех немцев, кои (как Вы видели) поставили в Москве образцовое дело?” (“Изв. ЦК КПСС”, 1990 г., № 4, стр.190). Речь здесь шла о немецких врачах.

Подобных ленинских утверждений немало. Приведем еще одно, не вошедшее в “полное” собрание сочинений — из письма к заместителю наркома Рабоче-крестьянской инспекции В. Аванесову: “Оказывается, что Вы еще не уехали. Говорят, — со слов д-ра Рамонова, — что думаете о Крыме. Умоляю этого не делать. Знаю Крым со слов брата (и сестра была там летом). Не леченье, а мученье. Здоровый заболел. Это верх безумия.

Перестаньте нервничать и колебаться. Немцы и **только они** вылечат верно, надежно и быстрее всех других”. (Лен. сб. XXXVII, стр.360). И большевистская элита в голодные

годы тратила колоссальные суммы на лечение и отдых в Германии.

Что касается вообще денежных дел Ленина, то на эту тему за последние годы написано немало. Но и сегодня за семью замками хранятся документы типа следующего ленинского рукописного письма на французском языке, которое публикуется впервые:

“Национальная учетная контора в Париже

Agence V-85. Avenue d’Orleans

11 августа 1909

Господин!

Вы продали согласно моему распоряжению принадлежавшие мне 45 метро. Теперь я Вас прошу продать с моего счета остаток, то есть все метро, которые имеются на моем счету. Я уполномочиваю г-на Любимова (7, Rue Cambragne Premiere, Paris XIV) передать Вам это письмо и сообщить Вам все необходимые сведения. Если г-н Любимов будет требовать продажи еще других бумаг с моего счета, то я Вас прошу выполнить все его распоряжения. В приложении я высылаю чек г-ну Любимову на сумму 25.000 франков /двадцать пять тысяч франков/.

Я вас прошу, господин, подтвердить мне получение этого письма по следующему адресу:

Mr. Wl. Oulianoff (chez madam Lecreux). Bombon(Seine-et-Marne).

Примите самые большие заверения

Владимир Ульянов

4, Rue Marie Rose Paris”. (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 26325).

Естественно, происхождение подобных крупных денежных сумм требует специального исследования. Зададимся лишь вопросом, почему этот документ до сих пор строго засекречен? Может, достаточно ясен преступный след появления у Ленина этих денег путем “экспроприации”, т.е. прямого грабежа, производимого большевистскими боевиками под руководством Л.Красина или самого И.Сталина в те годы? Ведь впервые опубликованные Д. Волкогоновым расписки вождя о получении крупных сумм из “наследства Шмита” датированы лишь ноябрем 1909 года. А может, получается чрезмерный контраст между легендой о якобы бедственном материальном поло-

жении вождя и забираемыми им со своего счета суммами?

И второе, впервые мной опубликованное, письмо рукой Ленина к неизвестному адресату без даты. Анализ показал, что написано оно в Швейцарии в годы первой мировой войны: *“Уважаемый товарищ! Я думаю, на основании всех Ваших данных и соображений, следует непременно Вам принять участие и дать доход партии /которая страшно нуждается/. (Официально двигать этого вопроса не могу, ибо нет времени созвать собрание, да и нет надобности, ввиду автономии местных групп. Устраивайте поскорее и шлите сообщения /а лучше деньги/. Лучше передайте все это устно: к чему тут письменность?”* (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп.1, д. 3507).

Как видно, Ильич был против “бюрократизма” при получении денег — достаточно, мол, устной договоренности. Естественно, вождь не был намерен оставлять следы и при получении денег, выделенных большевикам германским Генеральным штабом. “Германский след”, тем не менее, остался. На сегодняшний день выявилось два связанных между собой потока денег, поступавших большевикам из Германии. Первый — через посредничество деятеля германского и российского рабочего движения Александра Парвуса (Гельфанда), доверенного лица вождя Якова Ганецкого с участием М.Козловского и Е.Суменсон, а также Карла Радека. Именно этот путь подробно рассмотрен в разделе “Парвус, Ганецкий и “немецкий ключ”?” монографии Д.Волкогонова “Ленин”. Как известно, еще в 1958 году английский ученый З.Земан опубликовал обнаруженные после второй мировой войны секретные немецкие документы, доказывающие, что Германия субсидировала большевистский переворот. Сборник документов назывался “Германия и революция в России (1915-1918). Документы из архивов германского Министерства иностранных дел”. Но и сегодня некоторые серьезные ученые не считают эти документы стопроцентным доказательством поставок большевикам “немецкого золота”. А вдруг это фальшивка германских спецслужб? Так же оппоненты могут не принять на веру воспоминания германского генерала Эриха Людендорфа, фактически командовавшего в тот период всеми вооруженными силами Германии, по поводу возвращения Ленина на родину в ап-

реле 1917 года: “Помогая Ленину проехать в Россию, наше правительство приняло на себя особую ответственность. С военной точки зрения это предприятие было оправданным. Россию нужно было повалить”. Идут споры по поводу противоречивости воспоминаний оправдывавшегося А. Керенского о “немецких деньгах”. Должны быть найдены подтверждения тому, что, по утверждению Керенского, германский Генеральный штаб и руководство большевиков летом и осенью 1917 года “работали на фронте и в тылу, координируя свои действия. Обратите внимание: на фронте наступление (Тернополь) — в тылу восстание. Я сам тогда был на фронте, был в этом наступлении. Вот что тогда было обнаружено. В Вильне немецкий штаб издавал тогда для наших солдат большевистские газеты на русском языке и распространял их по фронту. Во время наступления, приблизительно 2-4 июля, в газете, изданной немцами и вышедшей приблизительно в конце июня, сообщались, как уже случившиеся, такие факты о выступлении большевиков в Петрограде, которые произошли позднее. Так немцы в согласии с большевиками и через них воевали с Россией... Австрия готова была выйти из союза с Германией и искала сепаратного мира. Германия спешила совершить у нас переворот осенью 1917 года, стараясь предупредить выход из войны Австрии. Я констатирую Вам следующий факт: 24 октября 1917 года мы, Временное правительство, получили предложение Австрии о сепаратном мире. 25 октября произошел большевистский переворот. Так немцы форсировали ход событий...”

Требует пересмотра широко распространенное мнение, что подлогом являются все так называемые “документы Сиссона”, впервые обнародованные осенью 1918 года в США правительственным Комитетом общественной информации с санкции президента В. Вильсона. Так вот, я выявил стопроцентное доказательство получения большевиками во главе с Лениным немецких денег. Это — тот факт, что документ, идентичный давно известному документу из числа собранных В. Сиссоном и опубликованных в США — хранится в ленинском “секретном” фонде с пометкой вождя. Минимальное разночтение в их текстах объясняется тем, что “документ Сиссона” известен нам в двойном переводе — на

английский язык и с английского. Я не причисляю себя к первым публикаторам этого документа, но утверждаю, что приводимое мной неоспоримое доказательство его подлинности снимает малейшие сомнения в получении Лениным немецких денег (См. мою статью “Шел поезд через Европу”, “Российская газета”, 9 декабря 1993 г.).

Вот этот датированный 16 ноября 1917 года документ на бланке Народного комиссара по иностранным делам с грифом “совершенно секретно”:

”Председателю Совета Народных Комиссаров.

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров товарищей Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее:

1. В архиве министерства юстиции из дела об “измене” товарища Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от второго марта 1917 года с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Были просмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, включающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка за № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина. Уполномоченные народным комиссаром по иностранным делам

Е.Поливанов

Г.Залкинд”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д. 226).

Летом 1917 года Ленин и его ближайшие соратники оказались буквально на шаг от скамьи подсудимых (очно илиочно) по обвинению в преступных связях с германскими властями. При Временном правительстве органы дознания подготовили “Дело по обвинению Ленина, Зиновьева и других в государственной измене”. Как теперь известно, из нескольких шкафов с документами, перепиской большевиков, собранных в 1917 году контрразведывательными органами Временного правительства, на сегодняшний день сохранилась лишь 21 папка с делами.

Таким образом, уничтожив вещественные улики своего сговора с германскими правящими кругами, Ленин и его сообщники оставили потомкам документ, подтверждающий акцию по тайному изъятию этих улик. Доказательность это-

го документа не меньше, чем если бы была найдена заверенная нотариусом расписка вождя в получении немецких денег. Тем более, что содержание этого документа соответствует свидетельству Керенского: “Временное правительство точно установило, что “денежные дела” Ганецкого с Парвусом имели свое продолжение в Петербурге в Сибирском банке, где на имя родственницы Ганецкого, некоей Суменсон, а также небезызвестного Козловского хранились очень большие денежные суммы, которые через Ниа-банк в Стокгольме переправлялись из Берлина при посредничестве все того же Ганецкого”.

Здесь уместно рассмотреть вопрос — можно ли считать Ленина “немецким агентом” или “немецким шпионом”, каковым безусловно являлся А.Парвус? Видимо, стремясь избежать подобных оценок, современные сторонники Ленина столь рьяно продолжают опровергать возможность получения Лениным немецких субсидий. Но ведь сам вождь неоднократно подчеркивал, что для свержения царского самодержавия готов пойти на союз с кем угодно. В начале первой мировой войны он прямо указывал: “...для нас, русских, с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса России, не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что **наименьшим** злом было бы теперь и тотчас — **поражение** царизма в данной войне. Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма” (49; 14).

Напомним, что еще в 1924 году в Ленинском сборнике II под редакцией Л.Каменева было опубликовано сообщение Министерства внутренних дел Австро-Венгрии в Дирекцию полиции г. Кракова от 23 августа 1914 г. по поводу Владимира Ульянова, арестованного после начала первой мировой войны, а затем выпущенного на свободу. Как известно, за освобождение Ленина ходатайствовал влиятельнейший австрийский социал-демократический лидер Фридрих Адлер. Так вот, в указанном документе говорилось, что “по мнению д-ра Адлера Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях” (стр.183).

Естественно, вскоре после начала войны соответствующие органы Германии и Австро-Венгрии развернули слежку за деятельностью своего союзника Ленина, отдававшего всю свою колоссальную энергию делу поражения России в

войне, причем поражения не только царского самодержавия, но и затем республиканской России при Временном правительстве. В свою очередь, Ленин уже в 1918 году, пребывая в кресле председателя Совнаркома, рассматривал партию большевиков как союзника кайзеровской Германии. Он писал В.Воровскому, советскому полпреду в Скандинавских странах: *“...”помощи” никто не просил у немцев, а договаривались о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск и на Алексеева. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами”*. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.122).

Да, именно “совпадение интересов” объясняет щедрость кайзера, передавшего многие миллионы немецких марок большевикам, а также претворение в жизнь принципа “морали в политике нет” Лениным, “умно” использовавшим эти марки для военного поражения своей страны и прихода благодаря этому к власти большевиков. Ленин открыл “второй фронт” против России, а кайзеровская Германия оказалась кредитором октябрьского переворота.

Но был еще один путь перекачки немецких денег большевикам — через посредничество швейцарского социал-демократа, германского и австрийского агента Карла Моора, которого условно можно назвать “интендантом № 2” после Парвуса. Рассматриваемой проблеме с использованием никогда не публиковавшихся документов я посвятил ряд статей (“Ленин и “немецкое золото”, “Демократическая газета”, 25, 27 декабря 1991 г.; “Немецкие деньги для Ленина”, “Российская газета”, 29 сентября 1992 г.)

В многочисленных зарубежных источниках опубликованы документы, неопровержимо свидетельствующие, что Карл Моор являлся секретным штатным агентом германской и австрийской разведок (агентурная кличка в немецких документах — “Байер”). Это имя стоит под многими донесениями о положении в России, о деятельности большевиков во главе с Лениным. Донесения эти ложились на стол к самому германскому канцлеру. Например, в переизданном в 1990 году в Москве сборнике германских документов с предисловием Вернера Хальвега “Возвращение Ленина в Россию в 1917 году” документ № 100 — донесение агента Байера о последнем поезде с российскими политэмиг-

рантами, проследовавшими из Швейцарии через Германию в Россию летом 1917 года. Оригинальное издание на немецком языке вышло в свет еще в 1957 году, когда не было документально доказано, что Байер и Карл Моор — одно лицо. Но более 30 лет спустя, в советском переиздании, этот факт необходимо было, безусловно, оговорить.

Ленин и Карл Моор — тема многочисленных зарубежных публикаций как на немецком (например, монография известного швейцарского историка Леонарда Хааса “Карл Вайтел Моор. 1852-1932. Жизнь для Маркса и Ленина”), так и на английском языке (например, опубликованная в Лондоне в 1970 г. статья Х.Шурера “Карл Моор — германский агент и друг Ленина”).

“Жизнь для Ленина”, “друг Ленина” — подобная характеристика Карла Моора, на мой взгляд, явное преувеличение. Но пути двух этих политических деятелей скрещивались многократно. Познакомиться они могли еще в 1910 году на Копенгагенском конгрессе II-го Интернационала. Там оба — совместно с Г.Плехановым, Р.Люксембург и другими — подписали поздравительную открытку ко дню рождения болгарской революционерки Тины Кирковой.

Впервые имя Моора в работах Ленина встречается лишь с осени 1913 года в его письмах к своему соратнику Г.Шкловскому. К “немецким деньгам” эта переписка отношения не имела, хотя в основе ее были тоже деньги, но так называемые “держательские”. Речь шла о значительной сумме, которую погибший в московской тюрьме в 1907 году революционно настроенный владелец мебельной фабрики Николай Шмит завещал российским социал-демократам. Впоследствии Ленин вел обширную переписку, добиваясь, чтобы вся сумма этих “держательских” денег (названных так, ибо они составили фонд, “держателями” которого в роли третейских судей стали видные германские социал-демократы Карл Каутский, Клара Цеткин и Франц Меринг) досталась большевикам, а не делилась с меньшевиками. Привлекая к этому делу швейцарского адвоката К.Цграгена, Ленин надеялся использовать и авторитет Карла Моора, с которым он намёревался сотрудничать в рамках Международного социалистического бюро (МСБ) — исполнительного органа II Интернационала, в том числе в оказании давления на прав-

ление Социал-демократической партии Германии. Вот выдержки из нескольких ленинских писем, отправленных из Австрии в Берн; “Насчет Моора хорошо, что Вы поговорили. Нам вообще информировать социалистов хоть с каким-нибудь положением в Интернационале полезно. Если бы Моор согласился написать в Правление или подписать письмо Цграгена, это бы чудесно, но платить ничего не можем (посоветуйте Цграгену достать подпись Моора, Цграген сам с ним рассчитается)”. “Подпись Моора под письмом Цграгена была бы **очень** желательна”. “С Моором поговорите особо: нельзя ли написать с ним **текст** его речи в МСБ? Согласится ли он **прочесть?**” “Посмотрим, чего добьются наши враги в Бюро. Говорили ли с Моором? Едет ли он? Способен встать **за нас** (за 6 против 7) или нет?” (Лен. сб. XXXVIII, стр.111, 113, 127, 131).

В довоенный период Карл Моор, по-видимому, ничем не помог большевикам. Г.Шкловский меланхолически сообщил вождю в апреле 1914 года: “От Моора толку не добьешься, а больше не к кому обратиться”.

Ленин не терял надежды “отсудить” для большевиков “держательские” деньги и в годы первой мировой войны. (Кстати, деньги эти большевикам так и не удалось получить). Тому же Шкловскому он напоминал в августе 1916 года:

“Добыли ли от Моора печатный экземпляр “бумаги” по делу Ц.? **Это необходимо. Не забудьте!** Надо добыть во что бы то ни стало, а то потеряет, мерзавец”. “Вы забыли мне ответить по одному пункту, именно насчет печатного документа, который мы с Вами снесли — помните? — адвокату для Моора. Надо во что бы то ни стало вытребовать этот документ назад. Не забывайте, пожалуйста, навещать иногда этого адвоката и “ловить” иногда Моора, чтобы вытянуть сей документ” (49; 275, 276).

Не следует заблуждаться в оценке Лениным Моора. Напомним, что “мерзавцами” или “негодьями”, “сволочью” или “идиотами” он называл в переписке и таких крупных деятелей мирового рабочего движения, как Георгий Плеханов или Роза Люксембург. Таков уж был эпистолярный стиль вождя!

Документально подтвержден лишь один прямой контакт Ленина с Карлом Моором без посредничества Шкловского в военные годы.

В Швейцарии еще в 70-е годы было опубликовано факсимиле заявления от 17 января 1916 г. о продлении местными властями разрешения на проживание российского литератора-эмигранта в швейцарской столице, написанного рукой Моора (члена кантонального парламента и правительства в Берне) и подписанного Владимиром Ульяновым. Заявление это обращено к руководителю полицейского управления кантона Берн государственному советнику Чуми, начало его гласит: “Приблизительно год назад мне было позволено в сопровождении господина старшего советника Карла Моора ходатайствовать перед Вами о получении разрешения на жительство. Вы были столь любезны дать мне вид на жительство без депонирования 100 франков, к которым позднее должны были быть добавлены еще 200 франков”.

Таким образом из документа видно, что Моор защищал интересы Ленина перед бернскими полицейскими властями еще в начале 1915 года. Далее в заявлении говорилось: “Я депонировал 100 франков. Сейчас вопрос стоит об обновлении вида на жительство с 1 января 1916 года. Я не в состоянии депонировать дополнительно 200 франков. При ненормально плохом обменном курсе русский рубль меняется на 130, вместо 265-267. Его курс упал таким образом более чем наполовину. При существующем положении вещей было бы хорошо и вообще справедливо, чтобы проживать здесь далее и не предпринимать ничего иного, как депонировать требуемую сумму. Однако мне хотелось бы попросить Вас освободить меня от этого вклада и предоставить мне вид на жительство без внесения залога”.

Просьба Ленина была удовлетворена. Когда он в феврале 1916 года переехал на жительство в Цюрих, то в уже упомянутом письме Шкловскому в августе 1916 года после указания “ловить” иногда Моора следовало: “Еще просьба: в Берне я заплатил 100 frs залога в полицию. Не можете ли Вы через секретаря, который так Вас высоко ценит, походатайствовать, чтобы их перевели в Цюрих как мой залог, а то здесь тоже требуют залога” (49;276).

В Швейцарии опубликован также документ, свидетельствующий, что Моор давал поручительство на жительство в Берне Инессе Арманд.

Сам же Моор в речи перед профсоюзным активом Москвы 22 августа 1918 г. заявил: “Я ручался за “хорошее” поведение товарищей Ленина и Зиновьева, как я часто делал это и раньше. Ленин направил соответствующее письмо бернскому правительству. Теперь оно решило эту переписку хранить в Бернском государственном архиве как исторический документ”.

Нет сомнения, что ни Ленина, ни его окружение в годы эмиграции нельзя обвинять в контактах с Моором, который, по-видимому, до начала 1917 года еще не был секретным германским агентом. Его первые, известные на сегодняшний день, донесения были направлены в германское посольство в Берне лишь весной 1917 года. И когда Ленин в ходе Циммервальдской конференции в сентябре 1915 года спланировал своих сторонников, организуя будущее ядро Коммунистического Интернационала, и вносил имя Карла Моора в список участников конференции, то он, естественно, не мог располагать никакими компрометирующими документами, свидетельствующими о “двойной игре” последнего. Более того, деятельность Моора как германского секретного агента была документально доказана только после второй мировой войны.

По дороге из эмиграции в Россию Ленин весной 1917 года организовал в Стокгольме Заграничное Бюро ЦК партии большевиков, в составе В.Воровского, Я.Ганецкого и К.Радека. Одной из важных задач этого Бюро помимо участия в подготовке так называемой 3-й Циммервальдской конференции, которая состоялась в Стокгольме в первой половине сентября 1917 года, был поиск средств для свержения Временного правительства и прихода к власти большевиков. Причем старый большевик В.Воровский станет после октябрьского переворота первым полпредом Советской России (в Скандинавских странах) и будет посредником между Лениным и кайзеровским правительством.

А пока германские спецслужбы нашли наиболее удобным организовать передачу денег большевикам в форме “частного пожертвования” и направили в Стокгольм в качестве посредника своего агента Карла Моора.

Пройдет восемь лет — и когда престарелый Моор попытается вернуть себе эти деньги, в высших эшелонах больше-

вистской власти завяжется бюрократическая переписка, впервые опубликованная в 1993 году в журнале “Отечественная история”.

26 сентября 1925 г. бывший управляющий делами Совнаркома Н.Горбунов направил Я.Ганецкому письмо, которое начиналось с исторической справки:

“Ко мне явился Карл Моор и снова поставил вопрос о выдаче ему той суммы денег, которую он в июле-августе 1917 года одолжил партии. Его претензии сводятся к 35000 долларов. Моор в 1921 г. был у тов. Ленина, свидания не получил, но Владимир Ильич прислал ему записку, в которой обласкал Моора и указал, чтобы по всем деловым вопросам он обратился ко мне. На основании личного указания Владимира Ильича я говорил тогда с Вами и тов. Радеком, передал мнение Владимира Ильича немедленно рассчитаться с Моором и направил К.Моора к Вам”.

А вот начало объяснительной записки Управления делами и финансового отдела ЦК ВКП(б) на имя секретаря Центрального комитета С.Бубнова:

“В 1917 г. и последующие сроки Заграничное Бюро ЦК одолжило разновременно у Моора Карла денежные суммы, именно тт. Ганецким, Воровским и Радекам, всего 32837 долларов. Из представленного объяснения и расчета Моора видно, что об этом знал т. Ленин...”

Здесь же приводится перерасчет суммы долга Моору с выводом: “Осталось заплатить 35079 долларов”.

К этой записке приложена справка, в которой, в частности, указывалось: “Здесь речь идет о суммах, которые Воровский и Ганецкий потребовали (!) у М. и определенно назвали их ссудой, обещав, что ссуда эта будет ему возвращена сейчас же после завоевания политической власти. Тов. Ленин знал об этом и очень благодарил тов. М. за это. Это была помощь в самое тяжелое время 1917 года и требовалась для удовлетворения необходимейших потребностей. В начале 1919 года тов. Ленин предпринял шаги к возврату этой ссуды, но дело осталось лежать”.

В письме от 16 июля 1917 г., после получения от К.Моора первых взносов, К.Радек запрашивал Ленина: “Мы (Воровский, Ганецкий и Радек — А.Л.) не получили еще от Вас ответа насчет распределения денег, полученных нами. Вви-

ду необходимости подготовки конференции, посылки людей для переговоров с левыми в Германию, напечатания французского листка о конференции мы принуждены, не дожидаясь Вашего ответа, расходовать деньги”.

К этому времени Ленин уже находился в своем последнем подполье, главным обвинением в его адрес было получение в качестве “немецкого шпиона” из Германии денег, — и вождь в очередной раз проявляет присущую ему осторожность и отвечает 30 августа 1917 г. Заграничному Бюро ЦК: “Дорогие друзья! С великим трудом, после долгих недель вынужденного перерыва, удастся, кажется, восстановить переписку... Кстати, не помню, кто-то передавал, кажись, что в Стокгольме, после Гримма и независимо от него, появился Моор... Но что за человек Моор? Вполне ли и абсолютно ли доказан, что он честный человек? Что у него никогда и не было и нет ни прямого ни косвенного сношения с немецкими социал-империалистами? Если правда, что Моор в Стокгольме и если Вы знакомы с ним, то я очень и очень просил бы, убедительно просил бы, настойчиво просил бы принять все меры для строжайшей и документальной проверки этого. Тут нет, т.е. не должно быть, места ни для тени подозрений, нареканий, слухов и т.п.” (49; 445, 447).

За месяц до октябрьского переворота обстановка была столь напряженной, что когда на заседании ЦК РСДРП(б) 24 сентября 1917 г. секретарь и казначей Заграничного Бюро ЦК партии Н.Семашко, бывший проездом в Стокгольме и встретившийся там с Моором, доложил, что тот решил передать полученное им крупное наследство большевикам, то партийное руководство категорически отклонило это предложение и постановило, поскольку невозможно было проверить источник этих средств, “истинные цели предложения Моора” — “всякие дальнейшие переговоры по этому поводу считать недопустимыми”. Видимо, любое другое решение сделало бы партию большевиков еще более уязвимой к обвинениям в использовании немецких денег.

Необходимо учитывать и тот факт, что число соратников Ленина, “посвященных” в денежные отношения с германским генеральным штабом, было крайне ограничено.

Уже через 9 дней после октябрьского переворота Карлу Моору была направлена телеграмма: “Выполните, пожалуй-

ста, немедленно Ваше обещание. Основываясь на нем, мы связали себя обязательствами, потому что к нам предъявляются большие требования. Воровский”. Находившийся в Швейцарии Карл Моор незамедлительно обратился к германскому посланнику в Берне К.Ромбергу с просьбой сообщить текст телеграммы Воровского в МИД Германии. Ромберг 15 ноября 1917 г. телеграфировал в Берлин: “Байер дал мне знать, что это сообщение делает его поездку на север еще более необходимой”.

Моор был нездоров, и Ромберг направил в германский МИД лишь спустя три недели очередную телеграмму: “Байер достаточно оправился для отъезда в субботу, в крайнем случае, в воскресенье. Я настоятельно прошу инструкций, желательна ли эта поездка. Ввиду необычайно сильного эффекта, который произвело, насколько можно судить отсюда, интервью, опубликованное в “Фрайе Прессе”, я считаю, что Байер с его сильным влиянием на большевиков будет в состоянии сгладить враждебные выступления, вызванные этим интервью, которые не замедлили появиться”.

Интервью Людендорфа, помещенное во влиятельной “Фрайе Прессе” 1 декабря 1917 г., приоткрывало завесу над тайным сговором германских правительственных кругов с большевистскими лидерами. С солдафонской прямотой генерал объявил: “Я не рассматриваю заявление большевиков как предложение мира... Мы можем заключить перемирие с Россией только в том случае, если мы будем уверены, что оно будет соблюдаться... Если кто-нибудь сказал бы мне, что русская революция для нас — случайная удача, я бы возражал: революция в России — не случайность, а естественный и неизбежный результат нашего ведения войны... Это — плод нашей победы”.

Карл Моор был направлен в Советскую Россию. Большевистскому правительству Берлин начал перечислять миллионы немецких марок.

Первые два месяца 1918 года Карл Моор помогал в Петрограде Ленину в нелегком деле заключения мирного соглашения с Германией. После заключения Брест-Литовского мира уехал в Берн, где налаживал контакты между германским посольством и полпредом Советской России в Швейцарии Я.Берзиным. В июле 1918 г. швейцарский социал-

демократ уже в Берлине, где консультирует советскую делегацию на переговорах по дополнительному соглашению к Брест-Литовскому договору, а затем в начале августа возвращается вместе с делегацией в Москву. 14 августа 1918 г. Шкловский, входивший в состав советской дипломатической миссии в Берне, сообщал в личном письме Ленину: “Обращаю Ваше внимание на К.Моора. Он немецкий агент, купленный за деньги агент. Доказательств более чем достаточно и никакому сомнению не подлежит. Я уверен, что он нам много зла принес во время своего пребывания в России (при заключении Брестского мира и наступлении немцев)”. И далее Шкловский призывал выслать Моора под любым предлогом из Советской России. Но Ленин считал К.Моора полезным и передал письмо К.Радеку, который обвинил Шкловского в “распространении инсинуаций” против Моора. А Ленин в декабре 1918 года обратился в Петроград к Зиновьеву по поводу облегчения участи бывшего товарища министра торговли и промышленности во Временном правительстве: “Тов. Карл Моор, швейцарец, прислал мне длинное письмо с просьбой освободить Пальчинского, ибо он — крупная техническая и организационная сила, автор многих трудов и т.п. Я слышал и читал о Пальчинском как спекуляторе и пр. во времена Керенского. Но я не знаю, есть ли теперь данные против Пальчинского? Какие? Серьезные? И почему не применен к нему закон об амнистии? Если он ученый, писатель, нельзя ли ему — в случае наличия серьезных улик против него — предоставить условия особо льготные (например, домашний арест, лаборатория и т.п.). Прошу мне ответить письменно и немедленно” (50; 214-215).

И несмотря на то, что Пальчинский являлся начальником Зимнего дворца в момент октябрьского переворота — ходатайство Моора возымело действие. Пальчинский был отправлен в Москву в качестве заложника и в начале 1919 года освобожден. Расстрел настиг его лишь тогда, когда Сталин начал акцию по уничтожению старой технической интеллигенции. Проходил тот по “Шахтинскому делу о вредителях”.

В марте 1919 года Моор едет в Стокгольм, откуда продолжает информировать германский МИД об обстановке в возглавляемом Лениным правительстве. А в мае 1919 года переезжает в Берлин, где оказывает помощь содержащемуся с

февраля в берлинской тюрьме за участие в вооруженном коммунистическом выступлении Карлу Радеку. В указанной выше справке, за сентябрь 1925 года, сообщалось, что к утвержденной Лениным сумме долга К.Моору “присоединяется заем в 15000 марок в 1919 году. Тов. Радек был тогда, благодаря сильнейшим стараниям тов. М., выпущен из Лертерской тюрьмы в Берлине, где на него уже было произведено покушение стрельбой, и интернирован в частном доме для безопасности его жизни. Тов. Радек просил тов. М. одолжить 15000 марок для вдовы расстрелянного тов. Левине (главы Исполнительного совета Баварской Советской республики — А.Л.). Требовалось всего 25000 марок, тов. Копп (представитель РСФСР в Германии — А.Л.) мог дать не больше 10000 марок. Радек сказал, что сейчас же по своем возвращении в Москву он возбудит перед тов. Лениным вопрос о возвращении этой суммы. Тов. М. дал вдове Левине, которую к нему направил Радек, 15000 марок. Радек обо всем этом деле совершенно забыл. Тов. Ленин узнал об этом займе только в 1921 году и признал его”.

В начале 1920 года Карл Моор возвратился в Берн — и, видимо, с этого времени он стал уже бесполезен и для Германии, и для Советской России. Безрезультатно оканчивались попытки Моора получить въездную визу в РСФСР.

В июне 1921 года Моор обращается к Ленину с личным письмом, в котором просит содействия в получении визы для себя и своего секретаря и выражает надежду, что ему удастся ознакомиться с теми изменениями, которые произошли в Советской России за прошедшие два года. Вождь пересылает письмо Зиновьеву, который пишет на обороте: “По-моему, промолчать, и в Москву ни его, ни его секретарей пока не пускать”.

Не получив ответа, Моор в сентябре 1921 года отправился через Берлин в Ригу, надеясь там получить визу на въезд в Россию.

Мною впервые было опубликовано следующее письмо из ленинского “секретного” фонда:

“Берлин 16/IX-1921.

Дорогой Влад[имир] Ильич!

Пишу Вам впервые из Берлина и по следующему поводу. Я встретил здесь Моора. Вы вероятно помните, что я считал

его немецким агентом и протестовал против его поездок в Россию, чем навлек даже на себя гнев т. Радека. Мои дальнейшие наблюдения за ним меня в роде деятельности Моора ничуть не разубеждали.

Сейчас он приехал к нам с каким-то швейцарско-итальянским спекулянтом, кот[орый] хочет делать какие-то дела с Россией. Об этих делах он беседовал со Стомонаковым (советский торгпред в Германии — А.Л.) и их касаться не буду. Коснусь другой стороны дела. Моор рассказал мне, что во Франции подготавливается новая интервенция большого масштаба. Подготавливается новая врангелевская армия. Дальнейшие мои вопросы привели меня к его спекулянту. Я два раза “ужинал” с ними и вынес убеждение, что они знают, о чем говорят, и что это дело серьезное... Спекулянт, по-видимому (и он, и Моор предпочитают об этом умалчивать), совмещал в свое время военные поставки со шпионажем. Торговые связи у него большие, не малы они вероятно и по части шпионажа. Спекулянт “друг” Сов[етской] России (враг Франции за ее политику по отношению к Италии), хочет вести дела с Россией и помогать ей чем может... Его “друг” живет во Франции, принят в военных кругах, пользуется доверием врангелевцев, желает, однако, за хороший, очевидно, гонорар работать для России. И Моор и спекулянт едут в Ригу с тем, чтобы оттуда переправиться в Россию.

Мое мнение, что ни того, ни другого в Россию пустить не следует, но что сведения у них серьезные и быть может кой-какой нашей организации их услугами воспользоваться интересно будет.

Во всяком случае, и это главное, на что я хочу обратить Ваше внимание, что на основании моих разговоров с этими господами, я почти уверен, что новая интервенция врангелевцев в широком масштабе во Франции подготавливается. О своих делах распространяться не буду. Плохо — это все, что могу Вам сказать.

Всего хорошего. Привет и наилучшие пожелания Вам и Н[адежде] К[онстантиновне] от семьи.

Ваш Г.Л.Шкловский.

Мой адрес: Берлин, Торговое представительство” (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, д. 911).

Ленин внимательно ознакомился с письмом — и направил его заместителю председателя ВЧК Уншлихту. Спро-

водительная записка Ленина была впервые опубликована в последнем Ленинском сборнике XL в 1985 году (стр.191):

“29.IX.1921 г.

т.Уншлихт!

Автор письма — тов. Шкловский, лично мне известный по загранице до революции 1917 (и с 1905 г.), большевик; за добросовестность его я вполне ручаюсь.

Прошу Вас прочесть его письмо и принять к сведению: м.б. дадите своему уполномоченному в Риге соответствующий приказ. Письмо прошу, вместе с письмом Шкловского, послать по прочтении **секретно** т. Молотову для ознакомления всех членов П-Бюро.

С к[оммунистическим] пр[иветом] Ленин”.

Напомним, что и Шкловский, и Уншлихт, как и К. Радек, Я. Ганецкий, Н. Горбунов, С. Бубнов, были уничтожены в сталинскую эпоху.

Комментарий в ленинском сборнике ошибочен — якобы приказ уполномоченному ВЧК в Риге должен был касаться трудоустройства Шкловского в Берлине, а не реакции чекистов, согласно содержанию письма Шкловского из Берлина, на предстоявший приезд в Ригу Карла Моора и его друга — “швейцарско-итальянского спекулянта” с сомнительной репутацией.

3 октября 1921 г. Уншлихт сообщил Ленину: “Письмо т.Шкловского с Вашей запиской получил, дал соответствующее распоряжение в Берлин и Ригу, а письмо переслал согласно Вашего указания т.Молотову”. На этой записке имеется ленинский автограф: “**В архив**”.

Тем же днем датирована записка Уншлихта Молотову: “т. Молотову. Согласно указания Владимира Ильича посылаю Вам письмо Шкловского и его записку. 3.10.21. С ком[мунистическим] прив[етом] Уншлихт. 2 приложения”. На записке — две подписи: Молотова и Каменева, свидетельствующие о том, что они ознакомились с письмом Шкловского.

И сверху рукой Ленина: “**секретно** в архив письмо Шкловского о Мооре. X.1921”.

Эта запись свидетельствует, на мой взгляд, о серьезности, с которой Ленин отнесся к сообщению, что назойливый Моор может скомпрометировать большевистскую верхушку, имевшую ранее с ним довольно тесные связи. Ха-

рактарно, что предупреждение о подготовке во Франции “новой интервенции большого масштаба” против Советской России особого внимания не привлекло.

Карл Моор, вопреки предостережениям Шкловского, был пропущен в Москву, где поселился в гостинице “Савой” — о чем свидетельствует, например, такой факт.

2 декабря 1921 г. Карл Моор направляет Ленину впервые опубликованную мной записку на немецком языке:

“Дорогой товарищ Ленин!

Я должен скоро снова уезжать, не смогу ли я до отъезда зайти к Вам на 1/4 часа? Было бы тяжело и грустно мне в мои 68 лет уехать из Москвы, не повидавшись еще раз с Владимиром Ильичом.

Дружеск[ий] Привет

Карл Моор” (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 22404).

Вождь направил Моору в запечатанном конверте ответную записку, которая числится в списке не найденных ленинских произведений. Встреч между ними больше никогда не было.

В дважды рассматриваемой выше справке отмечалось, что, узнав о невозвращении Карлу Моору долга, еще в декабре 1921 года Ганецкий “был очень удивлен, что вопрос этот еще не ликвидирован. По его совету тов.М. написал Ленину, и последний ответил ему в очень дружеском письме от 11 декабря 1921 г., что дело М. будет улажено. Но распоряжение Ленина не было приведено в исполнение”.

Вождь занимался делами Карла Моора еще раз в мае 1922 года, о чем свидетельствует впервые опубликованный мной пакет документов из ленинского фонда.

На бланке “Члена коллегии НКВД, № 310” — письмо В.Молотову Я. Ганецкого, занимавшего ранее, в 1920-1921 годы, пост полпреда и торгпреда в Латвии, с припиской — Ленину:

“Москва, 10 мая 1922 г.

В Центральный Комитет

тов. Молотову

Уважаемый товарищ.

До сих пор я не получил от Вас указаний, что сделать с привезенными из Риги 83513 датских крон. Если возражений нет, я просил бы поручить кассиру ф[инотдела] ЦК взять их у меня.

Однако напоминаю, что несколько раз было принято, быть может, устное постановление возвратить деньги Мо[о]ру. Указанные деньги фактически являются остатком от полученных сумм Мо[о]ра. Старик все торчит в Москве под видом ожидания ответа относительно денег. Не считали бы Вы целесообразным дать ему эти деньги, закончив этим все счета с ним и таким образом избавиться от него.

Жду от Вас срочных указаний.

С коммунистическим приветом Ганецкий”.

Внизу приписка: “Владимир Ильич. Н.П.Горбунов сообщил мне, что Вы были за то, чтобы Моору возвратить деньги. Во всяком случае необходимо со стариком покончить. Ганецкий”.

На верхней части этого листа имеется приписка:

“См[отри] оборот. Ленин”. На обороте — рукой Ленина: “Тов. Сталину. Я смутно припоминаю, что в решении этого вопроса я участвовал. Но как и что, забыл. Знаю, что участвовал и Зиновьев. Прошу не решать без точной и подробной справки, дабы не ошибиться, и обязательно спросить Зиновьева. 10/V. Ленин”.

И ниже — уже рукой Зиновьева: “Т.Сталину.

По-моему, деньги (сумма большая) надо отдать в Коминтерн. Моор все равно пропьет их. Я сговорился с Ганецким не решать до приезда Радека.

20/V.1922. Г.Зиновьев”. (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 25064).

В этих документах понятно желание Ганецкого, который больше всех претерпел неприятностей из-за “немецких денег”, закончить все счета с Моором, “избавиться” от него, “покончить” с ним, чтобы старик больше “не торчал” в Москве. Понятно и желание председателя Исполкома Коминтерна Зиновьева использовать немалую сумму для разжигания “костра мировой революции”. Тем более, что зарубежные источники рисуют Моора этаким бонвиваном, любителем роскошных застолий и молоденьких красивых девушек, который при этом постоянно нуждался в денежных средствах. Но был ли искренен Ленин, когда писал, что смутно помнит о своем участии в денежных расчетах с Моором, но подробности забыл? Думаю, что с учетом даты этой его приписки — 10 мая 1922 года — ему на этот раз можно поверить. Состояние здоровья Ленина резко ухудшалось и спустя всего две недели на почве склероза сосудов мозга у него

произойдет первый острый приступ болезни, который приведет к ослаблению движения правых конечностей и расстройству речи. Однако сколько усилий пришлось после этого в течение почти пяти с половиной лет приложить Моору, чтобы добиться обещанного возвращения денег!

23 августа 1923 г. Зиновьев вновь обратился к Сталину: “Вернуть деньги Моору было решено в Политбюро. Нельзя ли до приезда Молотова выдать 100 червонцев, а то он доит лично Радека”.

Секретариат ЦК РКП(б) в тот же день принял решение: “Согласиться с предложением т. Зиновьева о предварительной выдаче т. Моору 100 червонцев, но с тем, чтобы весь вопрос был решен совместно с т. Молотовым по его приезде”.

Ровно через месяц Моору приходится достаточно униженно просить Горбунова: “Убедительнейше прошу Вас сделать все, что возможно, чтобы была найдена нужная переписка и чтобы возврат 35 000 долларов был произведен мне до Вашего отъезда в 2-х месячный отпуск. Если Вы уедете прежде, чем будет разрешен этот вопрос, то у меня потеряна последняя надежда и здесь я погибну. На всякий случай прошу Вас настоятельно — дайте мне несколько строк, что Ильич отдал Вам распоряжение, чтобы мне был возвращен заем, и что это должно быть сделано в несколько дней, а также, что Вы это распоряжение передали дальше.

Эти несколько строк я у Вас, на всякий случай, убедительнейше прошу. Не оставьте меня в затруднительном положении”.

Три дня спустя Горбунов, в свою очередь, сообщил Ганецкому: “Теперь Моор вновь появился у меня с заявлением о том, что он до сих пор не может добиться получения денег и считает себя в чрезвычайно тяжелом и униженном положении, т. к. в этих деньгах он очень нуждается и не может от них отказаться. В разговоре со мной Моор просил дать ему в письменном виде справку о том, что в свое время Владимир Ильич дал указание о необходимости произвести с ним расчет. Я Моору отказался выдать такую справку, сославшись на то, что у меня никаких писем и документов нет и что на основании своей памяти я такой справки дать не могу. Вам же настоящим письмом подтверждаю, что фактически я от Владимира Ильича такое указание имел”.

Долг Моору частями выплачивался — 24 августа 1923 г., затем 23 июля 1924 г. и, наконец, 5 сентября 1925 г. В результате выплаченная сумма составила 3608 долларов.

26 января 1926 г. Моор обращается уже непосредственно к Молотову: “... очень просил бы Вас позаботиться об окончательном разрешении моего дела. Последняя затяжка с 23/IX до 30/X и с 30/X до конца сего января — следовательно, больше 4 месяцев!! — причинила мне воспаление легких. Мой милый старый друг Ильич был бы очень удивлен, если бы ему пришлось узнать, что его распоряжение от 21 декабря 1921 г., чтобы вся сумма немедленно была выплачена и чтобы дело было в течение нескольких дней ликвидировано, еще сегодня, более чем через 4 года, еще не выполнено. Прошу Вас поэтому распорядиться о немедленном возвращении всей суммы в 40 226 долларов (С.А.С.Ш.).

С коммунистическим приветом, Карл Моор.

Ныне в Кремлевской больнице, с начала будущей недели — Дом отдыха ветеранов революции имени Ильича”.

Через три дня после этого обращения к Молотову Секретариат ЦК ВКП(б) постановил: “Уплатить К.Моору 22 000 долларов в текущем году в срок по согласованию с НКФ, а остальную сумму погасить через год после выплаты 22 000 долларов”.

В конце этого же 1926 года Карлу Моору была оказана моральная поддержка — руководители Коммунистического Интернационала Иосиф Сталин и Николай Бухарин, Эрнст Тельман и Клара Цеткин, болгарин Васил Коларов и индус Манабендра Рой подписали в конце 1926 года приветственный адрес Исполкома Коминтерна: “Товарищу Карлу Моору. Испытанному передовому борцу швейцарского и международного рабочего движения, верному, преданному другу русской революции к его 74-летию посылается сердечное пожелание счастья и поклон. Москва. 11.XII.1926. С партийным приветом”.

Но Моор хотел получить все запрошенные деньги — и от его имени к Молотову обращается 19 августа 1927 г. наиболее почитаемая на тот период деятельница мирового коммунистического движения Клара Цеткин: “Идя навстречу заслуженному швейцарскому товарищу Карлу Моору, я сердечно прошу Вас помочь ему в его деле. В первую очередь, я прошу Вас

принять и выслушать его представителя, т.к. он сам еще болен. Нижеследующее служит аргументом моей просьбы к Вам: семидесятипятилетний тов. К.М. был всю свою жизнь преданным и бескорыстным борцом в интересах интернационального революционного пролетариата. Он в особенности в самые тяжелые времена по отношению к русским нашим товарищам готов был на всякие жертвы, в одинаковой степени служил им политически и материально.

Наш незабвенный Ленин назвал его своим другом и мы знаем, что он в этом смысле скуп был. Тов. К.М. с нетерпением ждет окончательного решения своего дела, т.к. расшатанное здоровье его не переносит дольше этого климата. Он хочет у себя на родине применить свои последние силы и средства в интересах нашего революционного дела.

Впрочем, в принципе его дело уже ведь решено. Ввиду этого я надеюсь, что Вы, уважаемый тов. Молотов, поможете тов. Моору и пойдете навстречу ему. В этой надежде я благодарю Вас заранее и приветствую Вас с искренним уважением и симпатией”.

И, наконец, решение заседания Секретариата ЦК ВКП(б), завершившее “денежную эпопею” Моора 9 сентября 1927 г.: “...выплатить К.Моору оставшиеся 8 254 дол. и считать этим вопрос об уплате долга Моору ликвидированным”.

Получив требуемую сумму, Моор незамедлительно и навсегда выехал из Советского Союза. Покинутый и забытый, остаток своей жизни он провел в одном из берлинских санаториев, оформив за три недели до смерти брак с медсестрой — эмигранткой из России, которая была моложе Моора на 36 лет.

А когда, не дожив несколько месяцев до 80-летнего юбилея, Моор скончался в Берлине в ночь на 14 июня 1932 г. — советская печать на следующий день посвятила этому событию специальные сообщения. Газета “Труд” в информации “В последний час” дала краткую биографическую справку об умершем, отметив, в частности, что в годы университетской учебы тот познакомился с основателями германской социал-демократии Вильгельмом Либкнехтом и Августом Бебелем, и с того часа посвятил всю свою жизнь борьбе за пролетарскую революцию. Было указано, что Моор был одним из первых организаторов швейцарской социал-демокра-

тической партии и долгие годы являлся ее руководителем; что, проникшись духом Парижской Коммуны, он оказался одним из первых западных революционеров, который поддержал ленинскую партию, установив в годы войны тесные отношения с большевистскими эмигрантами в Швейцарии и оказывая им большие услуги. В заключение газета подчеркивала, что после октябрьской революции товарищ Моор много лет прожил в Ленинграде и Москве и по распоряжению Владимира Ильича ему было предоставлено постоянное пристанище в “Ленинском доме” в Москве. Здесь газета имела в виду пансионат “Дом ветеранов революции имени Ильича”.

В этот же день газета “Известия” опубликовала посвященную смерти Моора полную революционного пафоса статью Карла Радека, который среди большевистских руководителей был, безусловно, наиболее близок покойному, познакомившись с ним еще в годы первой русской революции. Рассказав в статье о материальной поддержке, которую оказывал Моор различным революционным течениям после начала мировой войны, Радек подчеркнул: “Немедленно после Февральской революции он переехал в Стокгольм, где оказывал помощь заграничному представительству большевиков”.

Лишь благодаря тому, что после поражения гитлеровской Германии стали достоянием общественности секретные фонды германского МИДа, мы узнали о настоящей причине повышенного интереса с 1917 года к событиям в России Карла Моора — единственного, по словам Радека, революционера в рядах старой швейцарской социал-демократии, который “честно прошел путь от первого Интернационала к пролетарской революции в России”, а в действительности — путь платного агента генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии.